

БОРЬБА

КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

- Т. РЫСКУЛОВ**
ТУРКЕСТАН И КАЗАХСТАН (1905—1907 годы)
- П. ЕФРЕМОВ**
МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАМУНЕ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА
НАЧАЛА XVII в.
- И. ШАХНАЗАРОВ**
„ЛЯТНИЦЫ“ ПЕТРАШЕВСКОГО
- Я. МАЙОФИС**
ПЕРВОЕ МАЯ 1890 г. В ГЕРМАНИИ
- Ф. ШУЛУНОВ**
БУРЯТСКИЕ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В БУРЯТ-МОНГОЛИИ
- В. ШМИДТ**
У ИСТОКОВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ
- К. ГЕЙНЦ**
МАРТОВСКИЕ БОИ 1921 г. В ГЕРМАНИИ
- В. СЕРГЕЕВ**
ХРИСТИАНСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ
- И. АРСКИЙ**
КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ В XV в.
- Ф. ЭНГЕЛЬС** О РАЗЛОЖЕНИИ ФЕОДАЛИЗМА И РОЖДЕНИИ БУРЖУАЗИИ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ХРОНИКА
- ПОЛКА КНИЖНЫХ НОВИНОК

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2013](http://istmat.info/node/29199)
раздел нашей библиотеки,
посвященный истории Средних веков:
<http://istmat.info/node/29199>

МАЙ
1936

№

5

И. В. Арский

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ В XV ВЕКЕ

1

Трудовое крестьянство Испании, в котором испанский пролетариат находит с каждым днем все более широкие и мощные кадры союзников в борьбе с буржуазно-помещичьим господством, знает в своей многовековой истории немало героических боевых страниц. Указание Ленина о том, что «вся эпоха крепостного права... полна постоянных восстаний крестьян»¹, особо ярко иллюстрируется историей испанского крестьянства.

История феодальной Испании имеет ряд специфических особенностей. Эти особенности давали возможность дворянским и буржуазным идеологам испанского национализма создавать всевозможные теории об особенностях «народного духа» испанского народа, якобы преодолевающего классовую борьбу и создающего «особые» исторические пути развития последнего.

Завоевание Испании арабами и господство мавританско-мусульманской феодальной культуры (на первых порах несколько облегчившее положение непосредственных производителей — крестьян — и способствовавшее значительному прогрессу страны, как хозяйственному, так и общекультурному), продолжавшиеся с начала VIII века до середины XIII века, а частично на территории Гранадского эмирата — этого последнего оплота мавров

в Испании — до 1492 года, наложили своеобразный и значительный отпечаток на экономический и политический строй христианской феодальной Испании, особенно в ее южных областях.

Не менее глубокий отпечаток наложила на историю феодальной Испании та борьба, которая велась с VIII по XV век между испанской и мавританской феодальной знатью. Эта многовековая, упорная и кровавая борьба, так называемая реконкиста, т. е. отвоевание, отразилась на всем хозяйственном укладе и общественном строе средневековой Испании. Об этом писал Маркс: «Важно также, что медленное избавление от арабского владычества в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы привело к тому, что полуостров, освободившись вполне, получил характер, совсем отличный от тогдашней Европы»².

Заселение отвоеванных земель, опустошенных длительными войнами и продолжавших еще долгое время находиться в сфере постоянных пограничных стычек и набегов с обеих сторон, происходило в чрезвычайно своеобразной обстановке. Это отразилось на особенностях складывавшихся социальных отношений. Сохранение максимально тяжелых форм крепостнической эксплуатации крестьянства помещиками, заселявшими эти земли, в подобной обстановке не могло иметь места. Помещику, если он хотел получить выгоды от завоеванных земель, приходилось идти на определенные уступки и в некоторой мере смягчать степень и форму феодальной эксплуатации. Энгельс сравнивал Кастилию со скандинавским севером и указывал на то, что «норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это обстоятельство — как и в Кастилии — накладывает свою печать на все развитие»³.

Нормы и способы этой эксплуатации фиксировались в особых договорных грамотах (*cartas pueblas*, как они

² К. Маркс и Ф. Энгельс. «Революционная Испания». Соч. Т. X, стр. 719.

³ Ф. Энгельс. Письмо к Пауло Эрнсту. Сборник «Маркс и Энгельс об искусстве», стр. 201. 1933.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 371.

позже назывались), которые заключались помещиками «новых» земель с крестьянами, соглашавшимися обрабатывать эти земли. Эти грамоты перечисляли разнообразные и многочисленные обязанности крестьян по отношению к помещикам в натуральной, отработочной, а частично и денежной форме феодальной ренты. Они определяли условия, на которых степные равнины Кастилии, цветущие горные долины Андалузии и Валенсии, как и все вообще отвоеванные у мавров земли, заселялись крестьянами, выходцами из областей Северной Испании, а также многочисленными переселенцами из Франции и Италии.

Ясно, что помещики соблюдали статьи этих грамот только до тех пор, пока не чувствовали себя прочно утвердившимися в стране. Стоило ослабеть напряженности военной обстановки — и помещики более решительно наседали на крестьянство. Но суровая школа пограничной жизни воспитывала боевой дух в испанском крестьянстве. На насилия помещиков оно отвечало бесчисленными восстаниями, которые заставляли помещиков умерять свою эксплуататорскую жадность. Разрозненность этих восстаний, обусловленная раздробленностью всей страны, нисколько не умаляет их напряженности и исторического значения.

Чем удаленнее от арены Реконкисты была какая-либо область Испании, тем тяжелее было в ней ярмо крепостнической эксплуатации.

Крайняя северозападная область Испании — горная Галисия — и особенно крайняя северо-восточная область — Каталония — являлись районами наиболее тяжелых форм крепостничества в Испании. Не удивительно, что в Каталонии и на близких к ней Балеарских островах в XV веке вспыхнули настоящие крестьянские войны, в результате которых была облегчена, хоть в некоторой степени, участь закрепощенного крестьянства.

2

Положение трудового люда в Каталонии и на Балеарских островах (обе области входили в состав Арагонского

королевства, точнее, Арагоно-Каталонской унии) не было одинаковым.

В Каталонии постепенно все более усиливающийся гнет феодалов XII—XIII веков создал категорию наиболее бесправных крестьян, называвшуюся ременсами (*remensas*). Крестьяне эти были прикреплены к земле, которую они не могли покинуть без соответствующего выкупа — ременса (откуда и пошло название этой категории крестьян), при этом они были подчинены целому ряду тягостных и унижительных, так называемых «дурных обычаев» (*malos usos*). Эти «дурные обычаи» охватывали ряд сторон жизни ременса. Так, помещик имел право на часть имущества крестьянина, пострадавшего от пожара, как штраф за неосторожное обращение с огнем, право на захват имущества крестьянина, умершего без законных детей, право на часть (от трети до половины) имущества крестьянина, умершего без завещания, право требовать крестьянских жен в кормилицы господским детям, право на часть имущества крестьянина, жена которого вступила в незаконную связь с посторонним, право на первую ночь с новобрачной крестьянкой или на выкуп ее, и т. п.

В XIII веке ременсам даже было запрещено жаловаться на своих господ, многие из которых имели право суда

Болгарии, румынских земель, Руси, Кавказа, Египта и т. д. Реконкиста в XIII веке наполняла острова рабамаврами, а оживленная работоторговля итальянских купцов в XIV веке и позднее поставляла на острова все новые партии живого товара. Еще в середине XIII века рабы не были редкостью и в Каталонии. Однако таких огромных размеров и такого затяжного характера, как на Балеарских островах, рабовладельческий уклад нигде в Испании не имел. В одном официальном документе 1374 года указывается, что на одного свободного человека на островах приходилось по 20—30, а в некоторых районах и по 50 рабов и что рабы все время пытались бороться с угнетателями: убежали от своих господ и, образуя отряды, нападали на них. В 1287 году на одном только острове Менорке (который приблизительно в 5 раз меньше Майорки — самого большого острова) насчитывалось до 20 тысяч рабов.

над своими крестьянами, вплоть до вынесения смертных приговоров.

Ременсы преобладали среди крестьянства северной части области, так называемой Старой Каталонии (до реки Лобрегат), а также в областях Русильон и Сердань, к северу от Пиринейских гор, входивших в состав арагоно-испанских земель. В так называемой Новой Каталонии (к югу от реки Лобрегат, отвоеванной у мавров позже чем Старая Каталония) ременсы составляли меньшую часть крестьянства. На положении ременс в середине XIV века находилось около 20 тысяч крестьянских хозяйств, т. е. не менее четверти населения всей области, так как, по данным переписи 1359 года, можно установить, что во всей Каталонии имелось около 84 тысяч крестьянских дворов, из числа которых в руках крестьян-собственников находилось не более одного процента их, в руках короля — 28% и в руках помещиков и горожан — 71%.

Особенностью Балеарских островов, покрытых цветущими плантациями и садами, являлось широкое применение рабского труда. Рабы ввозились сюда из различных стран: Греции, Сербии,

В страхе перед возможным всеобщим восстанием рабов на островах, королевские чиновники не раз пытались сократить их численность. Однажды правительство предписало продать на сторону всех рабов, кроме тех, труд которых будет признан необходимым для сельскохозяйственных работ на островах. В конце XIV века на островах была утверждена специальная должность по надзору за рабами для предотвращения их побегов и восстаний. Рабам, осмелившимся где-либо собраться в числе более трех или обзаведшимся без разрешения хозяина каким бы то ни было оружием, грозило 25 ударов плетью. Им запрещались пребывание на пристанях и покупка лодок. За отлучку в течение более чем 30 дней рабов казнили. На рабов-магометан, считавшихся особенно опасными, одевались для отличия специальные железные кольца.

Правительство Арагонского королевства не раз пыталось усилить на островах испанский элемент, поощряя иммиграцию свободных ремесленников, а также крестьян из Каталонии, Арагона и других испанских земель, но конкуренция дешового рабского труда вконец убивала все попытки та-

кого рода. Гибельная для труда свободных людей, конкуренция рабов вызвала среди ремесленников, а также крестьян Балеарских островов чрезвычайное ожесточение. Несознательная масса свою ненависть к эксплуататорам переносила и на их невольное орудие — рабов. Поэтому ремесленные цехи на островах всячески отгораживались от рабского населения, не принимая их в число своих членов и запрещая обучать их ремеслу. Крестьянские восстания обычно сопровождалась убийствами рабов, в которых крестьяне видели орудие помещичьего произвола и конкурентов, обрекавших самих крестьян на полубрабские, нищенские условия существования.

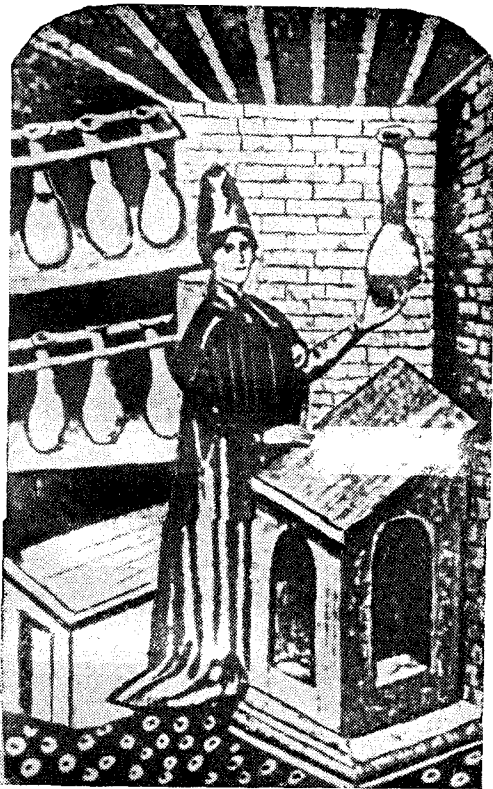
Обстановка на Балеарских островах имела еще одну особенность: значительное развитие средиземноморской торговли в городе Пальме — главном городе Балеарских островов — способствовало быстрому обогащению торговой буржуазии, которая превращала свои богатства в земельную собственность, тем самым пополняя собой кадры помещичьего класса.

Процесс сосредоточения земель в руках городской буржуазии достиг особенной силы в начале XV века. Городской патрициат не только стремился совершенно вытеснить крестьянское землевладение, но и заменял труд крестьян на скупленных землях рабским трудом. Все это доводило крестьянство до полной нищеты.

Увеличение налогового бремени, распределявшегося на основе круговой поруки, усугубляло исключительно тяжелое положение крестьян. Наконец, ряд мероприятий муниципалитета Пальмы, например принуждение крестьян свозить весь урожай хлеба на городской рынок для продажи по пониженным ценам, окончательно истощал терпение крестьянства.

3

Интенсивное хозяйственное развитие Каталонии в XIII—XIV веках, когда Барселона, ее центр, стала одним из важнейших торговых городов Средиземноморья, привело к бурному вторжению товарно-денежных отношений и в сельское хозяйство. Барсе-

Аптекарь. Из каталонской рукописи XIV века.

лона постепенно втягивала в свою хозяйственную орбиту все большую и большую часть Каталонии. Каталонские феодалы, приобщившись к участию в торговле и к роскоши, стремились выжать из своего крестьянства максимум денежных доходов. Усугубление внеэкономического принуждения в целях увеличения доходности имений натолкнулось, однако, на противодействие крестьян, ответивших на рост феодальной эксплуатации восстаниями.

В конце XIII и начале XIV века в ряде местностей Херонской епархии (Каталония), где феодалы-церковники особенно жестоко и упорно эксплуатировали крестьянство, прокатился ряд крестьянских волнений и восстаний. Фактически в течение нескольких десятков лет этот район находился в состоянии непрекращавшейся гражданской войны. Помещики вешали непокорных крестьян, а повстанческие отряды нападали на угнетателей, убивая их при всякой возможности.

пут, которые накрепко привязывали крестьянина к земле, но ряд натуральных повинностей еще долго оставался неприкосновенным.

Чумные эпидемии, свирепствовавшие с 1348 по 1397 год, и жестокие неурожаи произвели в Каталонии, как и во всей Испании, сильнейшие опустошения.

Чрезвычайное сокращение рабочих рук вызвало со стороны арагонского правительства декреты, направленные против их удорожания и восстанавливающие те таксы на заработную и наемную плату, которые существовали до начала чумной эпидемии. За их превышение штрафовали и рубили руки. Под страхом жестоких казней городской поменщикам и батракам запрещались сходки, стоворы, стачки. Попам было предписано оказать воздействие на народ путем проповедей. Но стремление крестьян бросать опустошенные земли и переселяться в города заставляло помещиков идти на уступки и смягчать до некоторой степени эксплуатацию.

Развитие в Каталонии городов привлекало в них значительные массы окрестного крестьянства и способствовало медленной ликвидации личной крепостной зависимости. В 1283 году Барселона получила привилегию, согласно которой пребывание в ней крепостного крестьянина в течение года и одного дня делало его лично свободным. В 1284 году эту же привилегию получила Херона, а в следующем году — и ряд других городов. Распри Барселоны с окрестными феодалами приводили к тому, что и этот срок не соблюдался: крестьянину достаточно было только добраться до города. Но в целом городская буржуазия вовсе не стремилась к освобождению крестьянства и не оказывала ему помощи в борьбе с помещиками. Барселона, Херона и другие города осуществляли свои сеньериальные права феодальных господ над целым рядом сел не менее рьяно чем помещики.

Сопrotивление крестьянства, бегство их в города или вообще за пределы досягаемости для их господ заставляли помещиков соглашаться на выкуп у них крестьянами всех тех повинностей, которые основывались на так называемых «дурных обычаях», особенно ненавистных для крестьян.

Постепенный перевод феодальной ренты из натуральной формы в денежную (так называемая коммутация) и замена повинностей, взимавшихся на основе «дурных обычаев» определенными денежными взносами помещику, способствовали ослаблению тех

Попытки королей Хуана I (1389—1395 годы) и Мартина (1395—1410 годы) сосредоточить в своих руках процесс выкупа наиболее тяжелых «дурных обычаев» не имели успеха, так как папа, к которому короли обращались, отказался дать соответствующее предписание церковным феодалам Каталонии. Между тем это сулило королевской власти большие материальные выгоды и помогло бы предотвратить неминуемый взрыв со стороны крестьян.

Альфонс V, «Мудрый» (1416—1458 годы), чрезвычайно нуждаясь в деньгах для своих широких политических замыслов и войн, стал особенно широко производить операции выкупа, распространяя их даже и на земли, никогда не принадлежавшие казне.

Эти операции производились примерно таким образом: получив от крестьян деньги за выкупленные от феодалов земли — крестьяне предпочитали более регулярную эксплуатацию со стороны правительства совершенно безудержной и дикой по форме эксплуатации отдельных помещиков, — Альфонс V вновь передавал за соответствующую взятку эти земли в руки

помещиков. В результате такой «политики» он еще более расширил помещичьи права над крестьянами. Такие «операции» проделывались и его предшественниками.

Все это сильно возбуждало крестьян. Крестьяне демонстративно рыли могилы для помещиков, предвкушая час расправы с угнетателями.

В 1448 году ряд общин обратился к правительству, требуя разрешения беспрепятственно устраивать крестьянские сходы для организации выкупа и обсуждения его условий. Наместница короля в Каталонии, его жена королева Мария, вынуждена была дать такое разрешение, ограничив число участников сходов максимумом в 50 человек. Скоро крестьяне сговорились на том, чтобы добиваться за 64 тысячи флоринов выкупа по всей Каталонии.

Дворяне забили тревогу, и их делегат, отправившийся к королеве, заявил ей: «Лица, называющие себя крестьянскими комиссарами, рыщут по отдельным частям каталонского княжества, злоупотребляя своими полномочиями. Они производят смуты, волнения и беспорядки, возмущают народ, проповедуя освобождение крестьян от крепостной зависимости и заявляя, что крестьяне не будут обязаны больше платить оброк и нести другие повинности; к ним пристают и другие крестьяне, становятся их сообщниками и бунтуют; они беспрестанно собираются на сходки и готовы поднять восстание, заявляя, что они или их синдики (старшины. — И. А.) добьются в кортесах (в словном сейме. — И. А.) княжества освобождения от налогов, установленных депутацией (постоянным комитетом кортесов Каталонии. — И. А.), так как сами захватят в свои руки правление, выбирая одного, двух или трех депутатов, в сравнении со всеми членами других сословий, взятыми вместе. Если же кто-нибудь попытается помешать им в этом, того, говорят они, разорвут на части; и если они не добьются от короля или королевы того, чего требуют, то поставят во главе княжества или французского короля, или дофина (старшего сына французского короля. — И. А.), или

Ренэ Анжуйского¹, или кого-нибудь другого... и тогда видно будет, осмелится ли кто-нибудь помешать им в этом. Наши деньги, говорят они, мы даем королю в надежде получить свободу; но если мы будем платить, а свободы не получим, то по отношению к королю-изменнику и вассалы будут изменниками»².

Правительство растерялось: с одной стороны, оно не желало затрагивать интересы феодалов, с другой — становилось ясным, что чинить препятствия выкупу значило вызвать массовое восстание крестьян. Королева пыталась затормозить ход выкупа, ограничив его только «дурными обычаями» и сохранив все остальные повинности и помещичью юрисдикцию над крестьянами, определив при этом выкупную сумму в 3 флорина со двора. Но крестьяне продолжали собирать деньги и отказывались выполнять старые повинности, считая себя уже лично свободными. Между тем помещики настаивали на несении крестьянами попреж-

¹ Ренэ Анжуйский был соперником Альфонса V в его борьбе за Неаполь.

² Pella y Fordas «Historia de Ampordan», p. 667. Madrid. 1883.

нему их старых повинностей. Положение становилось критическим. В 1455 году король прислал указ, временно приостанавливавший взимание помещиками с крестьян прежних ненавистных повинностей; в 1457 году его пришлось снова повторить.

Вступивший в это время на престол Хуан II (1458—1479 годы) продолжал по отношению к крестьянству вымогательскую и двуличную политику своих предшественников.

4

В середине XV века положение крестьянства на Балеарах привело к взрыву, вызвавшему крестьянскую войну на острове Майорке.

Опасаясь возможного перехода части земель к крестьянству на основе выкупа, распространявшегося и на Каталонию и на Балеары, местные помещики начали требовать с крестьян

письменных, документальных доказательств их прав на земельные участки, которых у крестьян, конечно, не было и не могло быть. На этом «юридическом» основании помещики начали отнимать у крестьян их земельные участки. Чиновники, посланные с этой целью из Пальмы по деревням, натолкнулись, однако, на сопротивление.

Движение среди крестьян нарастало.

В июле 1450 года в Сан-Маргарите собралось крестьянское ополчение. Во время похода его через Монакор и Петру численность его непрерывно возрастала, и, дойдя до Инки, оно насчитывало 6 тысяч человек. Во главе восстания стал энергичный и храбрый батрак Симон Балестер, из Монакора. Любопытно, что восставшие действовали именем короля и вожди движения именовали себя в воззваниях, обращенных к жителям сел и местечек, «королевскими капитанами».

27 июля авангард ополчения подошел к стенам Пальмы. Крестьяне отрезали город от воды и сельских продуктов и решили взять его измором.

Положение осажденного города становилось угрожающим, тем более что городская беднота выражала явное сочувствие осаждающим, но пальмскую буржуазию спасло посредничество епископа Урхельского, находившегося в это время в Пальме. Хитрый поп сумел уговорить крестьян отступить от городских стен и отправить совместно с горожанами депутацию к королю, находившемуся в Италии. Между тем муниципалитет Пальмы тайно отправил воззвания о помощи к дворянству и купечеству всего архипелага, Каталонии и Арагона.

Вернувшись 25 февраля 1451 года, крестьянские депутаты привезли с собой королевского посланца, Бернарда де Ольмс, с инструкциями губернатору острова Майорки. Королевские инструкции предлагали не церемониться с крестьянами. Руководствуясь ими, губернатор присудил обманутых королем крестьян к уплате штрафа в 2 тысячи ливров и вечному закрепощению.

Эти репрессии толкнули крестьян на решительные действия. Крестьянское ополчение, успевшее было значительно поредеть, но все же насчитывавшее 1500 человек, обратило в бегство губернатора и его солдат, которые заперлись в Пальме. В это время Симон Балестер снова собрал воедино крестьянские отряды, к которым присоединилось немало людей из городской бедноты. Осада Пальмы возобновилась. Муниципалитет решил устрашить крестьян казнью нескольких захваченных повстанцев, но по прошествии 4 дней недостаток продовольствия и воды заставил городскую буржуазию вступить в переговоры.

Крестьяне согласились отступить от города, добившись обещания всеобщей амнистии, отставки некоторых представителей власти и разрешения созывать крестьянские сходы для выборов членов новой депутации к королю, но вероломные власти решили учинить расправу над доверчивыми крестьянами. Пользуясь тем, что повстанческие отряды стали расходиться по домам, губернатор послал карательную экспедицию под командой Хайме Корделя в центральные очаги движения: Монакор, Синеу, Луканор.

Кордель натолкнулся на самого Симона Балестера. Отряд Корделя, состоявший из городских ополченцев, перешел на сторону крестьян. Кордель остался жив и вернулся в Пальму лишь благодаря великодушию Балестера.

Среди буржуазии Пальмы началась паника, тем более что в самом городе усиливалось движение бедноты против богачей.

Вскоре движение среди городской бедноты Пальмы приняло более реальные формы. Ткач Педро Маскаро организовал заговор бедноты в пользу крестьян. Но заговор был раскрыт, и Маскаро пришлось бежать. Часть заговорщиков попала в руки властей и была казнена.

Между тем 21 мая 1451 года из Италии прибыли королевские посланцы—граф де Прад и Хуан Маримон, возвещавшие перемирие, призывавшие крестьян к переговорам и обещавшие повстанцам неприкосновенность на тот период, пока будут длиться мирные переговоры. Если исход их окажется неблагоприятным для крестьян, — за месяц до окончания срока перемирия по всем селам должно было быть объявлено о результатах этих переговоров. Крестьянам при этом было воспрещено пребывание в Пальме, а горожанам— в деревне с целью отрезать городскую бедноту от общения с восставшими крестьянами.

Но, наученные горьким опытом, крестьяне отвергли эти предложения и стали готовиться к новой осаде Пальмы. Понимая, что осада может быть удачной лишь в том случае, если удастся закрыть доступ в город и с моря, крестьяне стали производить по селам сбор на постройку галерного флота. Однако этот сбор вызвал противодействие со стороны зажиточных арендаторов земель, что внесло несогласие, раздоры и раз'единение в лагере повстанцев.

На остров приехал новый королевский посланец, лейб-медик короля Герард Феррер, сам выходец из крестьян, что должно было снискать к нему доверие со стороны восставших. Ему удалось уговорить крестьян послать в Италию, к королю, новую делегацию из 250 человек во главе с самим Симоном Балестером.

В это время на Майорку прибыли наемные королевские войска, и в бою под Инкой разрозненные отряды крестьян, лишенные благодаря коварству Феррера своего мужественного предводителя, были разбиты. Разнузданные банды королевских наемников под начальством Франсиска де Риль, казнившего всех попадавшихся в его руки, предали дикой расправе села и деревни острова. Остатки повстанческих отрядов бежали в горы и здесь под руководством нового предводителя — Москана — некоторое время оказывали героическое сопротивление противнику, но вскоре и они были разбиты.

Буржуазия Пальмы послала верно-подданническую депутацию к королю с выражением благодарности за предательскую расправу с крестьянством и с просьбой навсегда закрепить побежденных. Текст этой петиции дышит трусливой ненавистью и жаждой мести за пережитый страх: «Спокойствие немисливо без их (т. е. повстанцев.— И. А.) истребления. Виселица ждет вожаков. Остальных надо подвергнуть, кого членовредительным наказаниям, кого вечному изгнанию. Особенно необходимо это по отношению к крестьянам Инки, Алькудии, Моленза и Сольера. Им предстоит теперь поплатиться за неправду»¹.

В то же время торговая буржуазия Пальмы приступила к ликвидации движения цеховых ремесленников, которых располагала к бунтам конкуренция рабского труда, и к расправе с городской беднотой, активно помогавшей крестьянам. Буржуазия потребовала воспрещения ремесленникам носить оружие, лишения их права быть членами органов городского самоуправления и даже поставила перед властями вопрос о ликвидации цехов, этих очагов опасного брожения, разрешив общую «свободу» ремесленной деятельности всем и узаконив таким образом ремесленную деятельность рабов. «Свобода ремесла» означала в создавшейся обстановке полную незащитность ремесленного люда, лишение его каких бы то ни было организационных форм и закабаление ремесленников купцами. Разрешение заниматься ремеслом рабам означало низведение вольного труда конкуренцией рабского до произвольно низкой оплаты и новые источники обогащения рабовладельцев.

250 крестьянских депутатов, приехавших, по предложению предателя Феррера в Италию, к королю, искать правды и справедливости, были насильно включены королем в ряды арагонского войска, воевавшего с враждебной ему анжуйской династией. Симону Балестеру в 1456 году удалось пробраться на родину, где он и погиб насильственной смертью при невыясненных обстоятельствах. Есть

основания предполагать, что он был четвертован.

На крестьянство было возложено возмещение убытков и военных издержек, равно как и уплата всех недоимок. Невыносимое бремя крепостнической эксплуатации заставило значительные массы балеарского крестьянства искать спасения в эмиграции на Корсику и в другие соседние земли.

5

Вести о героической борьбе балеарских крестьян еще более накалили атмосферу в Каталонии.

В это время в Каталонии возник конфликт в среде самих правящих классов. Сословные кортесы Каталонии были недовольны все более растущими абсолютистскими тенденциями арагонских королей. Наместницей в Каталонии была жена короля Хуана II—королева Хуана Энрикес, стремившаяся обеспечить полное повиновение Каталонии королевской власти.

Внутренняя борьба в лагере господствующих классов создавала благоприятный момент для выступления крестьян.

По всей Каталонии происходили крестьянские сходки. Крестьяне по всей стране отказывались вносить

¹ «Historia de Soller». V. I, p. 497.

оброки и повинности, требуемые с них помещиками, заготавливая оружие, выбирали вождей. В ряде местностей начались крестьянские волнения, перераставшие в бунты. Дворянство Хероны сообщало об этом в столицу: «С великим ужасом доводим до вашего сведения о больших толпищах крестьян, стечение которых вызвано тем обстоятельством, что землевладельцы потребовали платежей. Если боже милосердие не заступится за нас, неминуемая гибель постигнет нашу страну»¹.

Королева издала ряд декретов, требуя от крестьян повиновения помещикам и указывая, что никаких королевских распоряжений об отмене их обязанностей еще не было и, стало быть, они должны вносить платежи так же, как и всегда. Крестьянство, однако, не подчинялось декретам королевы-наместницы, причем его вожди заявляли, что действуют от имени короля

¹ См. «Levantamiento y guerra de Cataluna en tiempo de don Juan II». V. 18. Coll. de documentos inéditos del archivo de Aragón, publicada por D. M. de Bofarull y de Sartorio.

против его слушников в Каталонии. В феврале 1462 года крестьяне заставили помещика Джильберта де Круиллес освободить двух крестьян, заключенных им в темницу за отказ вносить платежи. В марте гористый район Ампурдана наполнился «квандрильями» (отрядами) повстанцев по 100, 200 и 500 человек. Вооруженные чем попало, повстанцы маршировали под звуки свирели, флейт, барабанов, потрясая копьями и угрожая смертью всем помещикам, которые осмелились бы требовать с них платежей. Эти отряды осадили город Безалю. Крестьяне предъявили требование освободить одного из их товарищей, содержащегося в городской тюрьме, и требование было исполнено. Муниципалитет Безалю зывал о помощи к Хероне, но херонская буржуазия и дворянство тряслись за свою собственную шкуру и ограничились пересылкой королеве обращения Безалю.

Недостаток продовольствия заставил крестьян временно снять осаду Безалю. Повстанцы взяли штурмом соседний замок, Кастьеллолит, владелице которого, помещице Беатрисе де

Схема крестьянских восстаний в Каталонии в XV веке.

Круиллес, они, впрочем, не причинили никакого вреда. Посланному туда военному отряду не удалось отбить замок.

Королева не особенно спешила с принятием решительных мер. Уверенная в том, что восстание крестьян она всегда сумеет подавить, и в то же время рассчитывая сыграть на нем в интересах королевской власти, чтобы держать в повиновении каталонские кортесы, королева рассылала успокоительные заверения, что крестьяне обещают разойтись по ее настояниям. Между тем из Вика в Барселону приходили вести о том, что «дерзость крестьян настолько велика, что они открыто на городской площади угрожают разрушить дома духовенства и сакристию собора, где хранятся драгоценности собора и вклады частных лиц»¹. Кроме того, как сообщали церковники, крестьяне заявляли: «Мы будем платить ударами копий всякому, кто потребует с нас платежей»². Из Хероны, охваченные паникой, церковники сообщали также, что «нельзя и думать о спокойствии, ибо они (повстанцы.—И. А.) не повинуются приказанию королевы платить оброк и повинности помещикам, восстают против них и их уполномоченных»³.

В восстании участвовали не только ремеслы и «личесвободные» крестьяне, но и батраки и вся деревенская беднота. В Каталонии нарастала всеобщая крестьянская война против феодалов.

Во главе крестьянского движения стал захудалый дворянин Франсиско де Вернтальят. Этот авантюрист решил использовать восстание как козырь в конфликте между каталонскими кортесами и королевской властью в интересах последней, рассчитывая заслужить этим благодарность короля и проложить путь личной карьере. Правая рука Вернтальята — Серроли, нотариус из Вика, ловкач и пройдо-

Схема Баlearских островов.

ха, — об'езжал села, уговаривая крестьян подняться против феодалов и городов, послушников воли короля, якобы благорасположенного к крестьянам, и ждать помощи от короля.

Вернтальят по-военному организовал нестройные толпы крестьян. Свою собственную персону он окружил отрядом телохранителей. Остальное войско, доходившее до 3 тысяч человек, он разбил на роты и эскадроны, снабдил знаменами, требовал от повстанцев присяги ему в верности, ввел налог по 2 флорина с крестьянского двора для содержания войска. Его стратегический план имел целью захватить Балагер, Безалю, Монкаду, Сан-Селони и Вик, т. е. все те города и местечки, которые лежали на пути из Арагоны в Каталонию, чтобы проложить этим дорогу королю. Посланные им отряды возобновили осаду Безалю, осадили Вик и другие города.

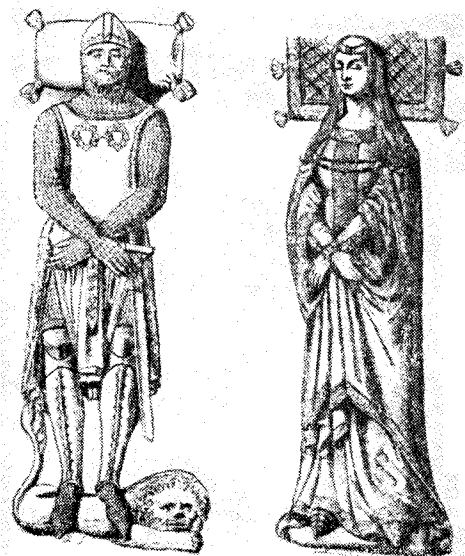
Однако среди повстанцев произошел раскол. Часть крестьян в Ампурдане и кое-где в других районах не пожелала подчиниться Вернтальяту, видимо, понимая, куда гнет этот проходимец. Барселонская буржуазия и дворянство со своей стороны всячески старались раз'единить восставших, заводя переговоры с обещанием частичных уступок по вопросу о «дурных обычаях».

Серроли обо всех своих действиях доносил королю в Арагон. Королева в бездействии отсиживалась в Хероне. Барселонская буржуазия усиленно навязывала крестьянам свое посредничество. Постоянный комитет кортесов, так называемая «депутация», разрабо-

¹ Colléction de documents inédits del archivo general de corona de Aragón, publicada por D. M. de Bafarull y de Sartorio. V. 18, p. p. 488—489.

² Выписка из документов барселонского городского архива. См. Пискорский «Крепостное право в Каталонии», стр. 180.

³ Documentos inéditos. V. 19, p. p. 41—42.

Каталонский рыцарь и знатная дама. XIII век.

тал компромиссное соглашение, обещающая амнистию, но затем под давлением дворянства стал вносить ограничения в его условия. Однако дворянство районов наиболее тяжелых форм эксплуатации крестьян не желало идти даже и на тот компромисс, который состряпала депутация кортесов. Херонские помещики обратились к депутации со следующим посланием:

«До сведения рыцарей дошли некоторые условия договора, заключенного при вашем посредстве между ремеслами и их сеньерами. Еще раньше уполномочившее нас местное дворянство, подвергнув обсуждению этого рода вопросы, теперь спрашивает нас, знакомы ли мы с договором и участвовали ли в его заключении, на что мы должны ответить: «Нет». Нас удивляет, как подобный договор мог быть заключен без участия сеньеров этого (Херонского. — И. А.) епископства, где сосредоточена большая часть ремес и где сеньеры вследствие этого наиболее заинтересованы в данном вопросе. И в настоящее время здесь еще происходят волнения и бунты в большей степени, чем где бы то ни было в другом месте. Поэтому мы просим вас дать себе отчет в том, какая власть дана вам, и вспомнить, что главная задача ваша состоит в заботах об

охранении справедливости. Справедливость же требует охраны прав собственности, основанных на давности и на письменных договорах. Между тем ремесы оспаривают это и лишают нас некоторых, принадлежащих нам прав без нашего согласия и не заключая с нами никаких соглашений. Это представляется нам делом, крайне несправедливым. Крестьяне утверждают, что «дурные обычаи», являясь для них великим бременем, не представляют для сеньеров никаких выгод. Это совершенно ошибочно, ибо, по вычислению, оказывается, что доходы от этих обычаев составляют третью часть стоимости манса¹, а это в итоге образует огромную сумму. По смыслу заключенного договора, выходит, что сеньеры должны потерять половину постоянных доходов, вытекающих из этих обычаев. Относительно других пунктов договора, заключенного без согласия сеньеров, также можно сказать, что они клонятся к ущербу их интересов. Между тем нет ни малейшего основания оказывать милости крестьянам, тем более что они коварным образом устроили синдикат², желая при его посредстве скупить наши земли, и для этой же цели подделали одно распоряжение короля Альфонса, другими словами, воровски присваивают себе наши ренты и владения. Но, не довольствуясь тем, что заключал в себе этот произвольный указ, они стали нарушать и другие наши права, просто называя «дурным обычаем» все то, что не захотят нам платить. Видя, однако, что справедливость и здравый смысл не на их стороне, они взялись за оружие и стали убивать каждого, кто решался что-нибудь потребовать от них. Приняв во внимание и другие, не менее ужасные и отвратительные преступления их, можно сказать, что их следует лишить не только оказываемых им благодетений, но и тех личных и имущественных прав, которыми они пользуются, ибо дерзость их дошла до такой степени, что они, намереваясь взять на себя представительство страны, открыто выступают и словом и делом против того, что установлено и клятвенно подтверждено

¹ Земельный участок.

² Соглашение, сообщество.

всем княжеством, непреложным свидетельством чему служат опыт известных всем событий»¹.

6

Между тем конфликт между каталонскими кортесами и королем все более обострялся. Депутация собрала войска и двинула их против крестьян с целью разбить Вернтальята, а затем захватить королеву с инфантом. Командующий войсками депутации граф де Пальяр разбил Вернтальята, пытавшегося заградить ему путь, и занял Херону. Королева скрылась в епископском замке Джиронелла. Серроли попал в плен. Король Хуан II в это время заключил договор с французским королем Людовиком XI, согласно которому в обмен за помощь против каталонцев уступил ему Руссильон и Сердань. Вскоре король с войсками вступил в Каталонию. Прежде всего он попытался пробиться к Хероне и освободить свою семью, но безуспешно. Однако силы графа де Пальяра слабели из-за массового дезертирства и скоро сократились до 600 человек.

Вернтальят, созвав крестьянские ополчения из окрестных сел, заставил графа де Пальяр снять осаду замка Джиронелла, освободил королеву и осадил ряд городов, но смог взять только Безалю, Олот и Баньолас. Рипполь и Вик отбили приступы крестьян. Гражданская война принимала затяжной характер.

Каталонская депутация объявила Хуана II в Каталонии низложенным и обратилась с предложением каталонской короны к королю кастильскому, королю португальскому и герцогу лотарингскому, но безуспешно.

Вскоре, однако, общий страх перед углублением крестьянской войны заставил обе враждующие фракции господствующих классов пойти на мировую. В октябре 1471 года был заключен мирный договор. Хуан II даровал амнистию приверженцам депутации и обещал уважать «вольности» каталонского княжества. Взамен этого каталонские кортесы вновь признали его, и он вступил в Барселону.

Вернтальят за свои предательские

заслуги получил титул виконта де Бас, звание члена королевского совета и ряд поместий с закрепощенными крестьянами, которых он эксплуатировал еще усерднее всех прочих помещиков Каталонии. Одному из своих друзей он писал: «Свое копье я поднял не для того, чтобы уничтожить ремеслу и прочие обычаи, но для того, чтобы дать возможность моему господину, королю арагонскому, совершить правосудие над теми и другими жителями Каталонии и наказать злодеев... Да здравствует король и да совершит он истинное правосудие!»².

Так крестьянское движение было предано примазавшимися к нему в качестве «вождей» дворянами и крючкотворами. Крестьяне получили только отсрочку платежей и частичное сложение недоимок. Волнения продолжались. В Херонской епархии крестьяне непрерывно нарушали покой церковников, которые считали себя «окруженными со всех сторон нечестивым племенем ремесл» — виновников смут.

Король декретом 1479 года и кортесы решением 1481 года (уже при новом короле, Фердинанде Католике) восстановили прежнее закрепощение крестьянства. Крестьяне были обмануты и преданы, но не сломлены.

Весной 1482 года выстрелом из лука был убит один из самых жестоких крепостников Херонского округа — Хуан Десверн. Там же, в долине Миерес, ремесны убили осенью 1484 года дворянина Аймерика, родня которого в отместку учинила ряд зверств над крестьянами. В ответ на это окрестное крестьянство восстало под предводительством крестьянина Пере Сала.

Авторитет королевской власти и надежда на короля еще держались в крестьянских массах несмотря на все испытанные ими разочарования. Пере Сала, надев куртку королевского стрелка, обходил деревни и призывал ремесл к восстанию против помещиков, ссылаясь на то, что якобы действительная воля короля — освободить крестьян от крепостной зависимости. Отряд, высланный против

¹ Documentos inéditos. V. 20, p. p. 27—30.

² Documentos inéditos. V 21, p. p. 379—380.

повстанцев, встретился с 300 вооруженных крестьян во главе с Пере Сала и был ими прогнан. Двоюродный брат короля Генрих выступил против повстанцев, но ремесы рассеялись, уклоняясь от боя. Генрих вернулся в Барселону, а Пере Сала снова собрал свои отряды и двинулся к Аусоне, Вику и Хероне, безуспешно пытаясь захватить эти города. В декабре его племянник Бартоломео Сала поднял восстание ремес в Викской епархии. При Монторне Бартоломео Сала разбил высланный из Барселоны отряд (пехотинцы, сопровождавшие дворян, неохотно шли в бой с крестьянами) и даже захватил одно из предместий Барселоны.

Близ Гранаольерса отряды дяди и племянника соединились, насчитывая в своих рядах около тысячи бойцов. Этим городом они завладели, применив военную хитрость. Группа наиболее отважных повстанцев, переодевшись и спрятав оружие, под видом окрестных крестьян вошла в город, будто бы с целью продать на рынке свои продукты. В заранее установленный час они отперли городские ворота, и через несколько минут город оказался в руках Пере Сала и его бойцов. Но вскоре их выбил оттуда барселонский отряд. Попытка крестьян вернуть себе город окончилась неудачей. Четверо захваченных в плен крестьян были немедленно повешены. Однако повстанцы произвели диверсию на Барселону и даже захватили один из ее пригородов. В погоне за ними выступил коннетабль арагонский Хуан. Ночью при Лероне он настиг крестьян. Заревом горевшей церкви освещало место боя. Крестьяне были застигнуты врасплох и потерпели тяжелое поражение. Из 800—1000 участвовавших в бою повстанцев свыше 200 было убито и взято в плен, тогда как коннетабль лишился всего 10 человек. Сам Пере Сала попал в плен.

Крестьянского вождя возили напозаказ по улицам Барселоны. На следующий день Пере Сала привязали к трем ослам, которые приволокли его к морскому берегу. Там его четвертовали и обезглавили, а голову выставили на страх народу на городской башне.

Несмотря на жестокую и мучительную казнь вождя крестьяне не сдавались. В горах и лесных районах продолжалась партизанская война крестьянских отрядов в 100—200 человек, которые нападали на замки и монастыри, убивая своих угнетателей.

Перед королевским правительством стала задача — путем каких-либо уступок умиротворить крестьянство. Королевский уполномоченный Мендоса приступил к переговорам с вождями крестьянских отрядов, получив на это согласие дворян. Крестьянская депутация и делегация помещиков во главе с Мендосой в качестве посредника отправились к королю, находившемуся в это время в Андалусии.

В результате переговоров 21 апреля 1486 года в монастыре Санта Мариа де Гвадалупе Фердинанд Католик опубликовал сентенцию (решение), составленную, как полагают, вице-канцлером Алонсо де ла Кабаллерия. Этой сентенцией правительство отменяло так называемые «дурные обычаи» (числом 6), за выкуп в 50 барселонских солидов со двора единовременным взносом или за ежегодный взнос в 3 солида. Те крестьяне, которые подчинены были не всем 6 «дурным обычаям», а лишь некоторым из них, платили 10 солидов единовременно или 6 динариев в год за каждый «обычай». Выкуп этот крестьяне могли производить коллективно, всей общиной, разверстав выкупную сумму между собой.

Помещичья юрисдикция и право суда над крестьянами отменялись. Крестьяне получили право, покончив все счета с помещиком, уходить с участка земли, захватив всю свою движимость (кроме виноградного прессы). Равным образом с ними было признано право свободно распоряжаться землей, приобретенной на собственные средства. Две трети недоимок, накопившихся за годы гражданской войны, были сложены. В то же время король в заключение объявил о своем намерении казнить зачинщиков восстания и главарей повстанческих отрядов.

Таким образом, наиболее тяжелые формы крепостнического гнета в Каталонии были отменены, хотя и це-

ной тяжелых жертв. Это, конечно, нисколько не означало, что зависимость крестьянства Каталонии от феодалов переставала существовать, ибо при феодализме юридическое признание крестьянина «личносвободным» вовсе не освобождало его от помещичьей эксплуатации. Да и вообще в ряде случаев грань между «личносвободными» крестьянами и официально крепостными была очень шаткой и легко стиралась. Личная зависимость крестьян от помещика составляла одну из характернейших сторон феодального строя. Об этом говорил Маркс: «...перенесемся в мрачное европейское средневековье... Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни»¹.

Восстание каталонских крестьян, на которое значительное влияние имело крестьянское движение на Балеарах, в свою очередь явилось сигналом к новому восстанию балеарских крестьян в 1463 году. На этот раз и здесь во главе восстания стал вначале выходец из дворянства Педро Альберти, а после него—монахорский торговец де Змас. Уже в октябре того же года губернатору удалось сломить вооруженные отряды крестьян. Захваченных в плен повстанцев вешали и четверговали. Новая вакханалия контрибуций и вымогательств обрушилась на крестьянство. Захват крестьянских земель еще более усилился.

Однако под влиянием упорной кровавой борьбы крестьянства к концу XV века и на Балеарских островах феодалы принуждены были отменить

старые, наиболее тяжелые формы крепостнической эксплуатации, ибо применять их дальше было слишком опасно.

* * *

История восстаний каталонских и балеарских крестьян в XV веке лишь раз подчеркивает огромное исторически прогрессивное значение крестьянских войн в средневековой Европе. Вместе с тем она с особенной яркостью иллюстрирует то положение, на которое указывал товарищ Сталин: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»².

Городской плебс, городская беднота того времени, сочувствовавший и поддерживавший крестьянство, был еще слишком слаб и не мог своим участием решить судьбу героической борьбы крестьянских масс против эксплуататоров.

Предательство ряда вожаков, выходцев из чуждой и враждебной народным массам среды, которым удавалось становиться во главе движения лишь благодаря темноте и неорганизованности крестьянства, и крайне скудный политический опыт и доверчивость вождей из собственной среды ускорили поражение восставших крестьян.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 35. Партиздат. 1932.

² И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.